

Д. Норт

ВОЗВЫШЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА*

С X по XVIII в. западный мир превратился из сравнительно отсталой части света в мирового лидера. Возвышение Запада потребовало изменений в экономике, политике и армии, а также смещения центра институциональных изменений от той неопределенности, которая возникает в результате взаимодействия с физическим миром, к той, которая является результатом все более усложняющегося взаимодействия между людьми. К XVIII в. развитие науки и ее систематического подхода к решению задач, касающихся не только экономического дефицита, но и человеческого благосостояния, еще находилось в стадии своего становления. Однако в это время был заложен фундамент для революционных событий последующих двух веков ... В центре нашего внимания будет находиться сложное взаимодействие между установками, институтами и другими факторами, такими как географическое положение, военные технологии и условия для развития конкуренции, которые повлияли на процесс изменений ...

I

Поскольку развитие общества показывает, какое влияние на сегодняшние решения оказывает вчерашний выбор, любая отправная точка во времени не только произвольна, но и нарушает принципиальную непрерывность истории. Если мы обратимся к изучению Северо-Западной Европы X в., то сделаем это, очевидно, приглядевшись к историческим условиям развития данного региона.

Римская империя прекратила свое существование на фоне беспорядков V в. н. э. Тысячелетием позже, т. е. 1500 годом, более или менее произвольно, в исторической хронологии датируется конец эпохи феодализма. Между этими историческими вехами из анархии, возникшей после крушения римского порядка и завоеваний германских

* Публикация основана на десятой главе «Возвышение западного мира» новой книги Д. Норта «Понимание процесса экономических изменений» (2005): *North D. C. The Rise of the Western World // Understanding the Process of Economic Change. Princeton University Press. Princeton and Oxford, 2005. P. 127–145.* Незначительные сокращения коснулись лишь вводной части. Более ранний вариант был опубликован как статья «Парадокс Запада»: *North D. C. The Paradox of the West // The Origins of Modern Freedom in the West / Ed. by R.W. Davis. Stanford: Stanford University Press, 1995.*

племен, постепенно возникла Западная Европа, которая смогла создать политическую и экономическую структуру, подготовившую почву для последующего развития. Эта эволюция в своей основе была обусловлена наследием греко-римской цивилизации, которое сохранялось (особенно на юге Европы), видоизменяя и в конечном счете определяя форму многочисленных институциональных преобразований, происходивших в период с VI по X в. Феодалное поместье унаследовало черты римской виллы, а колонов можно рассматривать как предшественников крепостных или сервов феодального мира. Рабство также перешагнуло в Средневековье. Сохраняло свое значение и римское право. Когда общественный порядок эволюционировал, именно оно служило основой для развития системы прав собственности.

Церковь сохранила классическое культурное наследие для средневекового мира. Она оставалась одиноким хранителем учености. Более того, монастыри часто были наиболее эффективными сельскохозяйственными центрами средневековой Европы. Хотя церковь и являлась главным обладателем материальных благ, продавая спасение за сокровища и землю, в то же самое время нельзя недооценивать такие ее характерные черты, как аскетизм, отшельничество и проповедь благочестия. Наиболее важно, что она обеспечила общество единой системой установок, идеологическими «рамками коннотаций» (*frame of references*). Эти общепринятые «рамки коннотаций» легли в основу постоянной эволюции мировосприятия, обусловившего те решения, которые сформировали политическое и экономическое будущее.

Северо-Западная Европа составляла географическую противоположность Средиземноморью, оплоту греко-римской цивилизации. Для последнего были характерны минимальные или сезонные осадки, легкие почвы и разнообразие в земледелии — от виноделия и культивирования олив до выращивания зерновых культур. Для первой же — обильные осадки, густые леса и тяжелые почвы, пригодные для пастбищ, а также, при определенной модификации плуга, для взращивания зерновых. Эти климатические и географические особенности определили аграрную структуру экономики Северо-Западной Европы.

Такие институциональные, интеллектуальные и географические факторы, повлиявшие на жизнь Северо-Западной Европы X в., должны быть помещены в контекст самой важной организационной предпосылки, а именно отсутствия масштабного экономического и политического порядка. Распад Римской империи ознаменовался появлением более пяти сотен мелких государственных образований. Какими бы ни были преимущества масштабного политико-экономического порядка, с наступлением новой эпохи они слабо проявлялись и были отодвинуты на задний план. Римская империя продолжала существовать на востоке вплоть до взятия Константинополя турками в 1453 г., когда исламский мир, поддерживаемый харизмой новой религии, создал империю, простиравшуюся от севера Африканского континента до самой Европы. Однако ни это исключение, ни просуществовавшая короткое время империя Каролингов не могут опровергнуть ключевого факта, состоящего в том, что исчезли условия, при которых было возможно существование одной империи, контролирующей все Средиземноморье.

Нападения с трех разных сторон викингов, мусульман и венгров наложили на регион свой отпечаток. Викинги появились на берегах Англии в 786 г., Ирландии — в 795 и Галлии — в 799 г. Лондон был повержен в 841 г., корабли викингов устремились по судоходным рекам к таким разным городам, как Руан на севере и Тулуза на юге. Венгерские всадники пронеслись по Бремену в 915 г. и, метнувшись на запад, достигли Орлеана в 937 г. Веским ответом стало строительство укреплений, усиление рыцарской

амунииции и упрочение децентрализованной, иерархической структуры феодализма. В результате военное положение стало напоминать что-то похожее на пат. Замок оставался полностью неприступным до тех пор, пока материально обеспеченный неприятель не организовывал упорную осаду, позволявшую взять укрепление измором. Сражения, как правило, не носили крупномасштабного характера и происходили между тяжеловооруженными рыцарями. Викинги потерпели поражение в осаде Парижа в 885 г., а венгры были разбиты под Аугсбургом в 995 г. Как следствие, это привело к восстановлению системы локально организованного порядка, к росту городов и к развитию феодальных поместий, многие из которых к тому времени были запущены. В контексте именно этих предпосылок стало возможным взаимодействие между политическими, экономическими и военными изменениями, которое заложило уникальные условия для устойчивого экономического роста.

Экономическая активность наблюдалась внутри феодальных поместий (за редким исключением) и в городах. Структура такого поместья определялась тройным делением земли на владения феодала, крестьянские наделы и общинные территории. Большинство крестьян были закреплены за поместьем как сервы и в обязательном порядке выполняли трудовую повинность (два или три раза в неделю) и платили феодалу подати. Они находились в юрисдикции владельца поместья, который отправлял правосудие в случае возникновения споров, и были ограничены в своих передвижениях и экономической деятельности (Preirte-Orton, 1960, p. 424–25). Традиционная организация манора не стимулировала экономический рост. Изоляция такого владения препятствовала специализации и разделению труда, а также замедляла процесс распространения новых технологий, когда таковые появлялись. Традиционные для феодального поместья средства поощрения не давали стимула к динамичному развитию навыков и знаний, к внедрению технологических новаций. Тяжелый плуг на колесах, отвал и предплужник, хомут и подкова уже получили распространение, однако замена буйвола лошадьми началась только в IX в. и проходила очень медленно (Mokug, 1990, ch. 3). Также постепенно шла замена двупольной системы севооборота трехпольной. Тем не менее, по крайней мере, начиная с X в. наблюдался рост численности населения. Наиболее вероятно, что происходило это в результате установления относительного порядка, следовавшего за изгнанием викингов и венгров. Этот прирост, как и последующее снижение численности, сыграл важную роль в изменении организации феодальных владений.

Развивающиеся города были центрами стремительных экономических и политических перемен, начавшихся в ответ на установление единого порядка на более обширных территориях. Как многочисленные города-республики северной и центральной Италии, так и городские центры, разраставшиеся в X в. в странах Бенилюкса, способствовали активным изменениям, которые стали результатом возникновения новых возможностей и расширения торговли в Средиземноморском регионе, в бассейнах рек Шельда и Маас, а также связям как с югом Европы, так и с Балтийским и Северным побережьем.

До 1300 г. торговая деятельность велась главным образом странствующими купцами. Для взаимной защиты торговцы часто образовывали союзы. Некоторые из таких союзов требовали от своих членов быть надлежащим образом вооруженными во время путешествий в караванах. Это показывает, что проблемы мира и порядка не были еще полностью урегулированы. После 1300 г. странствующие купцы и ярмарки перестали играть столь значительную роль (De Roover, 1965). Развитие торговли послужило толчком к росту городов, а заселение купцами ускорило их развитие. Ограничения, наложенные географическим положением и высокой стоимостью наземного транспорта, определили

местоположения городов — близость залива (Брюгге), на пересечении дороги и реки (Маастрихт), в районе слияния двух рек (Гент) или в местах транспортных остановок (Брюссель).

II

С X по XVI в. в Северо-Западной Европе шло время бесконечных сражений — от конфликтов баронов на местном уровне до относительно крупномасштабных военных действий Столетней войны. Кроме того, эта эпоха стала временем демографических изменений — роста численности населения с X по XIV в. и последующего спада, начавшегося с наступлением XIV в. и продолжавшегося, по всей вероятности, 150 лет, до наступления обратного перелома.

Технологический прогресс в военной отрасли привел не только к глубоким переменам в самом принципе ведения войн, но и к изменению размера жизнеспособной политической единицы (Veap, 1973). Военные действия возросли в цене с точки зрения как затрат на обучение армейского состава, так и роста капитальных вложений на приобретение наступательного и оборонительного оснащения. Возможно, в результате необходимости платить наемным солдатам или в связи с зарождением регулярной профессиональной армии при французском короле Шарле VII политические образования нуждались в более крупных доходах, чем те, что могли быть получены от соверена, живущего самостоятельным феодальным хозяйством. И все же если возросли денежные потребности соверена, то увеличились и потенциальные ресурсы для получения дополнительных доходов в экономике. Установление порядка на более обширных территориях привело к серьезным демографическим изменениям, росту торговли, расширению рынка и широкому распространению и развитию денежной экономики.

В XIV в. в городах наметился стремительный демографический спад, вызванный эпидемиями бубонной и легочной чумы. Немедленной реакцией стало резкое снижение деловой и торговой активности, а также падение доходов, доступных для налогообложения или присвоения князьями. Но спад в торговле не был тождествен демографическому спаду. Основная институциональная структура законов и правил сохранялась. Она создавала необходимые условия — фундамент для роста, в момент, когда численность населения восстановится. Демографический спад оказал более существенное влияние на организацию сельскохозяйственного производства. Изменилось соотношение земельных и человеческих ресурсов, которое создало дефицит рабочей силы и привело к усилению конкуренции среди землевладельцев, что, в свою очередь, немедленно внесло коррективы в структуру феодального поместья и самого сельского хозяйства.

Средства, необходимые для ограниченных в финансах правителей, могли быть получены: благодаря конфискации; как долг, взятый у флорентийских банкиров; в качестве платы за услуги, предоставляемые совереном. Все эти способы были опробованы. Конфискация «убила курицу, несущую золотые яйца». В конечном итоге флорентийские (и другие) банкиры существенно пострадали от аннулирования долгов. Однако случилось это уже после того, как монархам была оказана поддержка в ведении дорогостоящих войн, а некоторые банкиры извлекли из монополии Короны и других привилегий солидные прибыли. Обмен услуг на доход (в особенности наделение правами собственности и принуждение к их соблюдению) вызвал целый ряд структурных изменений: от защиты чужестранных купцов, внедрения прав гильдий и торгового права в свод законов с последующим принуждением со стороны государства к их исполнению до учреждения парламента, генеральной ассамблеи и суда.

III

Эти военные, демографические и экономические перемены для институциональных и организационных изменений имели далеко идущие последствия. Экономические изменения в сельском хозяйстве вышли за рамки самодостаточного феодального поместья с подневольной рабочей силой и приближались скорее к рыночно ориентированному аграрному хозяйству, где землевладельцы и крестьяне были в меньшей степени связаны традиционными правами и обязанностями, но в большей — развивающейся структурой прав собственности.

Рост больших и малых городов вокруг ширящейся национальной и интернациональной торговли стал возможным благодаря ряду институциональных и организационных новшеств. Появление переводного векселя, развитие условий обращаемости и операций по дисконту требовали возникновения центров, где подобные операции могли бы производиться: Шампани, других мест для ярмарок, а также создания банков, а со временем и финансовых учреждений, которые специализировались бы на операциях по дисконту. Морское страхование эволюционировало от единичных частных контрактов, покрывающих частичное возмещение убытка, до стандартных печатных форм контрактов, предлагаемых специализирующимися на этом фирмами. Морское страхование было одним из способов снижения рисков. Другими стали различные организации бизнеса, которые давали возможность либо диверсифицировать портфель, либо объединить инвесторов в команду, в компании, регулируемые государством, и, наконец, в акционерные общества (North, 1991). Внутренние кодексы поведения торговых сообществ, соблюдавшиеся под угрозой остракизма, вероятно, представляли собой первоначальные механизмы по принуждению выполнения контрактов. Эти кодексы преобразовались в торговое право и распространились по всей территории Европы, где велась торговля. Постепенно они объединились с общим и римским правом, а государство обеспечивало их исполнение в принудительном порядке (Milgrom et al., 1990).

Последний момент имеет решающее значение. Экономико-институциональная структура стала возможной благодаря эволюции политического строя, которая в конечном счете создала закон и механизмы по его исполнению. Это является важным условием существования безличного обмена, необходимого для экономического роста. Для некоторых государств развитие стало долгим процессом. Постепенно на смену вымогательству пришла торговля «защитой и справедливостью». Изначальный импульс развитию придал отчаянный поиск дополнительных доходов, однако, как было замечено ранее, способы получения дохода могли быть разными — конфискация или отказ от уплаты долгов, с одной стороны, или же торговля правами собственности и принуждением к их исполнению — с другой.

Несмотря на то, что разнонаправленная политика правителей по разрешению фискального кризиса приводила к совершенно противоположным результатам, тем не менее неизменным общим следствием оставалось постепенное становление национального государства, то ли в контексте экономического роста, характерного для Нидерландов, то ли в ситуации стагнации, ставшей результатом испанской политики.

Для того чтобы понять экономический успех Нидерландов, необходимо обратиться к истории развития таких процветающих городов Бенилюкса, как Брюгге, Гент и Льеж, их внутренним спорам, а также их взаимоотношению с Габсбургами и правителями Бургундии. Процветание этих городов, основанное либо на успешной торговле шерстяными изделиями, либо на торговле металлом, очень рано способствовало ориентации на городскую рыночную среду, редкую для преимущественно сельских обществ.

Внутренние конфликты отражали непрекращающееся напряжение между аристократией и ремесленниками, а также затяжное противоборство по поводу продолжающихся попыток создания локальных монополий, которые в случае успеха приводили к истощению источников производительности. Последние, в свою очередь, и были главной движущей силой их роста. Что касается правления в Бургундии, то его общим эффектом стала попытка сдержать ограничительную политику. В 1463 г. Филипп III Добрый учредил представительный орган — генеральную ассамблею, которая принимала законы и была наделена полномочиями ставить на голосование налоги правителя. Ассамблея стимулировала рост ремесла и торговли. Несмотря на сильную оппозицию, сами правители (в Бургундии, а позже при Габсбургах) проявляли активность в том, чтобы сдержать заложенное внутри гильдий и торговых ограничений (существовавших, к примеру, в «текстильных» городах Брюгге и Генте) стремление к использованию монопольных привилегий.

Правители были поддержаны новыми индустриальными центрами, возникшими в ответ на благоприятные условия, воплощенные в правилах и правах собственности. Герцоги Бургундии и Габсбурги были вознаграждены высоким уровнем благосостояния, который отразился и на налоговых поступлениях. Это сделало страны Бенилюкса жемчужиной империи Габсбургов. Со временем непомерно обременительные финансовые требования Филиппа II привели к восстанию, разорению Антверпена, успешному отделению семи северных провинций и последующему торговому превосходству Амстердама. Именно в Нидерландах, и в особенности в Амстердаме, было положено начало современному экономическому росту.

Полную противоположность этой краткой истории экономического возвышения представляет Испания. Фердинанд и Изабелла объединили Кастилию и Арагон, чтобы после веков борьбы с маврами и непрерывных внутренних войн между баронами-феодалами создать национальное государство. Когда Карл V в 1516 г. взошел на престол, в Европе началась эпоха великого испанского господства. Характерной ее чертой стало процветание, отмеченное растущими денежными доходами от Арагона, Неаполя, Милана и особенно стран Бенилюкса. Рост дохода сопровождался ростом издержек ввиду того, что Карл V содержал крупнейшую и наилучшим образом вооруженную в Европе армию. Однако поддержание и расширение империи требовало еще больших затрат. Когда страны Бенилюкса восстали против преемника Карла V — Филиппа II, это повлекло за собой как потерю большого числа источников дохода, так и дополнительные издержки на ведение войны с семью провинциями. Финансовый кризис углублялся, по мере того как уменьшался поток богатств с Нового Света. Отчаянные попытки отыскать источники дохода привели к созданию местных монополий, конфискациям и небывало высоким внутренним налогам. Ожидаемым результатом стало снижение деловой и коммерческой активности, а также многочисленные банкротства государства.

Эти противоположные истории роста и спада в экономике с соответствующими, но в большинстве случаев незначительными вариациями бесконечное число раз повторялись и в истории, и в современном мире. Рост возникал тогда, когда в экономике были созданы институциональные стимулы, как это было у голландцев, для деятельности, повышающей производительность. Спад же всегда является результатом подавления производительной деятельности вследствие централизованного политического контроля над экономикой и монопольными привилегиями. Неудачи встречаются много чаще, чем успех. Экономический рост всегда был исключением, а стагнация и спад — правилом.

Это отражает устойчивую тенденцию к организационной несостоятельности человеческих сообществ. А теперь давайте обратимся к эволюции установок, которые управляют выбором и действиями человека.

IV

В книге «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер показал, что религиозная этика, воплощенная в протестантизме и в особенности в кальвинизме, содержала ценности, способствовавшие росту капитализма. Но каково направление причинно-следственной связи и как мы можем установить, что ценности и рост капитализма сами не являются результатом какого-нибудь другого фактора (Tawney, 1926)? Вебер устанавливает связь между религиозными взглядами и ценностями, затем между ценностями и экономическим поведением. Однако он не показывает, как это поведение повлияло на развитие специфических институтов и организаций, которые создали постоянно растущую экономическую систему (Coleman, 1990, p. 6). Кроме того, контрреформационный католицизм мог с таким же успехом содействовать развитию индивидуализма и пониманию дисциплины, которые Вебер приписывает исключительно протестантизму.

Немаловажно учесть отношения между поведенческими установками (*behavioral beliefs*) и эволюцией специфических институциональных и организационных структур, поскольку подобный подход объясняет эту эволюцию. Среди ученых долгое время бытовала точка зрения о том, что индивидуалистические поведенческие установки благоприятны для экономического роста. В неоднозначной работе «Происхождение английского индивидуализма» Алана Макфарлена (Macfarlane) английский индивидуализм прослеживается с XIII и более ранних веков. Он рисует картину, изображающую изменчивый, ориентированный на индивида ряд установок в отношении семьи, организации труда и социальной структуры деревенского сообщества. Эти установки проявили себя в сводe формальных правил, имеющих отношение к наследованию собственности и правовому статусу женщин. Мы уже обращались к работам Авнера Грайфа (Greif, 1989; 1994), в которых на материале средиземноморской торговли XI–XII вв. генуэзские купцы сравниваются с торговцами, перенявшими культурные и социальные особенности исламских обществ. Грайф обнаруживает системные отличия в их организационной структуре, которые можно свести к противопоставлению индивидуалистических и коллективистских поведенческих установок. Торговцы исламского мира разработали внутригрупповую систему социальной коммуникации для осуществления совместных действий, которая, эффективно работая в масштабах относительно малых однородных этнических групп, не способствовала установлению анонимной формы обмена, неизбежно возникающей при расширении рынка и появлении торговцев различной этнической принадлежности. Генуэзские купцы, напротив, разработали двусторонний механизм контроля за исполнением контракта, который привел к созданию юридических и политических формальных организаций для наблюдения над исполнением соглашений и принуждения к их соблюдению. Это и стало тем институциональным и организационным путем, который привел к развитию более сложных форм обмена и торговли. Грайф предлагает обобщить эти разные структуры установок для латинского и мусульманского мира, а затем устанавливает связь между теми установками, которыми обладали европейцы, и развитием экономических институтов и организаций, описанных в разделе III.

Но если мы допускаем, что в различных обществах существовали различные поведенческие установки и что они стимулировали развитие многообразных форм институтов и организаций, то что же тогда послужило причиной возникновения этих установок?

Возможно, истоки лежат в демографических и других ресурсных ограничениях, которые воплотились в религиях, поскольку вплоть до Нового времени они являлись доминирующей организованной структурой поведенческих установок. Обширная литература, описывающая влияние религиозных догматов на экономическую деятельность, остается тем не менее спорной, поскольку практически в любом религиозном учении можно отыскать аспекты, враждебные экономическому росту. Это касается неприятия страхового рынка в исламе, настороженного отношения к взиманию процентов в христианстве (Kuran, 1986).

Правильно было бы обратить внимание не на специфические нормы, а на процесс познания, посредством которого формируется особая структура установок, в нашем случае — религиозных. Если коротко суммировать, то функция процесса познания состоит в том, чтобы сквозь фильтр изначальной структуры установок пропускать информацию, полученную из опыта, с которым сталкивается человек в различных обществах и в разное время. Таким образом, можно утверждать, что христианская религиозная система взглядов Средневековья создавала восприимчивый фильтр для процесса познания, который привел к усовершенствованиям, способствующим экономическому росту. Или, в качестве альтернативы, можно говорить о том, что особый географический, экономический и институциональный контексты западного Средневековья давали уникальный опыт для подобных адаптаций. В действительности это было сочетание двух различных направлений опытного знания, которые привели к формированию структуры установок, благоприятной для экономического роста и развития политических и гражданских свобод. Структура установок, заключенная внутри христианской догматики, вопреки распространенным объяснениям противоположного толка тяготела к развитию в направлении, благоприятном для экономического роста. Эрнст Бенц (Benz, 1966) и Линн Уайт (White, 1978) придерживались мнения, что христианство постепенно выработало представление о том, что природа должна служить человеку и что по этой причине вселенной можно и нужно управлять в экономических целях. Такое отношение к природе стало важной предпосылкой технологического прогресса. Однако именно уникальная институциональная ситуация, сложившаяся в некоторых частях средневековой Европы (и Европы начала Нового времени) сделала возможным приобретение того опыта, который послужил катализатором для распространения таких взглядов. С этой точки зрения протестантская этика Вебера является частью истории адаптации, но находится не у истока, а «ниже по течению».

V

Теперь мы готовы обратиться к разгадке уникальной эволюции Западной Европы. В нашем понимании еще остались пробелы, и есть еще вопросы, на которые предстоит ответить. Кроме того, целостный взгляд предполагает более пристальное внимание к издержкам, связанным с экономическим ростом. Многим людям изменения приносили потери, за время описываемых перемен их положение ухудшалось. Но в целом условия жизни улучшились. Это касалось материального положения людей, личной безопасности и защиты собственности в гражданских, политических, религиозных и экономических делах.

Если в центр исследования поместить институциональную и организационную структуру общества, то можно обнаружить взаимодействие экономической и политической организаций в контексте перемен, вызванных меняющимся восприятием участников процесса или силами, внешними по отношению к ним. Неудачи претендентов на

мировое господство — Китая и исламского мира — указывают нам путь дальнейшего исследования. Централизованный политический контроль ограничивает возможный выбор, а значит, и варианты, которым будет отдано предпочтение в контексте неопределенности долгосрочных последствий политических и экономических решений. Отсутствие широкомасштабного политического и экономического порядка создало среду, благоприятную как для экономического роста, так и в конечном итоге для свобод человека. В этой конкурентной, децентрализованной среде были реализованы различные варианты: некоторые удачно, как в Нидерландах и Англии; некоторые неудовлетворительно, как в случае Испании и Португалии; некоторые, как, например, во Франции, заняли промежуточное положение между этими двумя крайностями. Но главное состоит в разнообразии выбора и повышении вероятности (по сравнению с единым централизованным курсом) того, что результатом какого-то из вариантов развития станет экономический рост. Даже относительные неудачи в Западной Европе сыграли существенную роль в общеевропейском развитии.

На последнем моменте стоит остановиться подробнее. Как результат динамических условий, выработанных конкуренцией отдельных субъектов политики, возникла особая творческая среда. Европа была политически раздроблена, но в то же время ее характеризовала единая структура установок, восходящая к христианству, а также информационное и транспортное сообщение, которое позволяло начавшимся в какой-либо части Европы трансформациям научного, технологического или художественного толка распространиться по всей ее территории. Когда мы рассматриваем историю успеха Нидерландов и Англии в отрыве от стимулирующего воздействия на них остальной Европы (и в меньшей степени стран ислама и Китая), мы упускаем нечто существенное в объяснении. Итальянские города-государства, Португалия и Германия были отсталыми по сравнению с Нидерландами и Англией, но банковское дело, искусство, усовершенствования в навигации и книгопечатании — лишь малая часть вклада, который внесли первые в развитие Европы.

Используя преимущества ретроспективного подхода, можем ли мы быть более конкретными? Отсутствие широкомасштабного порядка в Европе на этапе раннего Средневековья означало, что субъектами принятия решений были города или феодальные поместья. Принятие решений, в свою очередь, было обусловлено культурным багажом, который определял начальные взгляды участников процесса. Давайте обратимся к роли города в континентальной Европе.

Города в средневековой Западной Европе варьировались от итальянского типа города-государства, города-крепости, построенного для защиты от внешних агрессоров, до местных административных центров, но для всех этих типов ключевым фактором развития стала степень независимости от внешних властей, которой они пользовались. Относительная свобода европейских городов от такой власти была чертой, которая отличала их от городов других регионов. С появлением новых экономических возможностей, вызванных относительным укреплением порядка и, как следствие, снижением транзакционных издержек в торговле, города оказались в выгодном положении, вне зависимости от того, была ли это торговля венецианцев и генуэзцев в Средиземноморском регионе или торговля шерстью и металлом городов Бенилюкса в Северо-Западной Европе.

Распространение торговли привело к росту новой, объединенной общими интересами, группе коммерсантов, возникшей параллельно дворянству, Короне и духовенству. Зачастую города приобретали свободу вопреки противодействию дворян и духовенства. Эта свобода передвижения и купли-продажи была важна для экономического роста как определенная защита собственности.

Протестантская Реформация, развернувшаяся в обстановке подавления, подняла вопрос о другой свободе — свободе совести, свободе исповедовать выбранные идеалы. Экономическая свобода, свобода веры и представительное правление соединились в единый круг актуальной проблематики. Подъем торговли, произошедший в период с XI по XIV в., привел как к росту городов, так и к развитию торговых связей, объединивших Северо-Западную Европу и Средиземноморье. В организационных рамках гильдий, ярмарок и торгового права упрощалось использование переводного векселя, а также возникла необходимость в институциональной структуре политического и экономического порядка. Порядок неизбежно повлек за собой как создание системы «правил игры» внутри города, так и установление правил и норм (с принуждением к их исполнению), которые сделали возможной торговлю за пределами политических границ.

Внутригородское политическое и экономическое устройство стран Бенилюкса было красноречиво описано Анри Пиренном (Pirenne, 1963). Его работа стала одной из первых попыток воссоздания институциональной инфраструктуры демократического строя внутри процветающей городской экономики, которая постепенно подрывалась гильдейскими ограничениями, а также политическими конфликтами за власть между аристократией и менее влиятельными горожанами. Но для Пиренна «городская демократия Средневековья состояла и могла состоять только из привилегированных членов. Им не был и не мог быть известен идеал свободы и равенства в отношении каждого» (там же, р. 168). По мнению Пиренна, эта демократия была прагматичной и отягощенной интеллектуальными притязаниями на демократичность и эгалитаризм, отличаясь, таким образом, от современной демократии. Это может быть справедливо, но то, что описал Пиренн, было неотъемлемой частью процесса фундаментальных изменений. В ходе истории политическая реорганизация и неизбежные внутренние противоречия всегда были частью процесса экономического развития: конфликт затрагивал не только сам город и появившиеся в нем группы с особыми интересами, но и внешние отношения с князьями и правителями. Следует повторить главную идею этого исследования: перемены — это в большинстве случаев процесс, который набирает силу постепенно, строится на изначальной институциональной системе, тем не менее видоизменяя ее, и определяется доминирующей структурой установок. Не вызывает сомнений, что именно этот процесс институциональной и организационной поэтапной эволюции описывает Пиренн в своей истории путей возникновения и взаимодействия различных политических и экономических организаций. Триумф демократии не был неизбежен, чаще происходила борьба за контроль над сферой политики. Структура установок, воплощенная в современном понимании демократии и эгалитаризма, не была частью взглядов того времени ни в городе, ни в сельской местности.

Путь Англии к экономическому росту и свободе отличался от континентальной Европы. Как островное государство она была менее уязвима для захвата и не нуждалась в регулярной армии. Структура установок, как верно отметил Макфарлен, была другой. Норманнское завоевание, исключительное для английской внешней неуязвимости, послужило причиной формирования феодальной системы с более сильным центром, чем это было где-либо на континенте. Однако, как свидетельствует Великая хартия вольностей, Корона не могла перешагнуть через традиционные свободы баронов, которые диктовали условия хартии, или свободы горожан, иностранных купцов и вилланов. Также и политические институты Англии в ряде существенных моментов отличались от соседских, континентальных. Наиболее важным отличием было единство парламента. На всей территории страны действовал только парламент, не было региональных

ассамблей, таких, как во Франции, Испании и Нидерландах. Не было также разделения на горожан, духовенство и дворянство. Мейтленд отмечал: «Интересен тот факт, что с самых ранних времен горожане и жители небольших населенных пунктов, возможно, заседали вместе с рыцарями» (Maitland, 1963, p. 175). Как на континенте, так и в Англии меняющееся положение сервов и свободных тружеников феодального поместья не было обусловлено переменами в отношении к их низкому положению. Скорее, постепенное развитие долгосрочной аренды, ослабление обязательств, переход к копигольду (на западе) отражали изменения в относительной нехватке рабочей силы, что было следствием демографического спада XIV в., расширения альтернативных возможностей, которые предлагали города, и в итоге конкуренции за работников.

Наряду с развитием рынка, торговли и города результатом сравнительного усиления порядка и произошедших демографических изменений, неотъемлемой частью истории того времени стал финансовый кризис правителей. Этот кризис возник в результате повсеместных войн между конкурирующими политическими силами, а также роста стоимости ведения этих войн. Они сыграли ключевую роль в произошедших политических и экономических изменениях. В промежутке между 1200 и 1500 гг. многие политические образования Западной Европы вступали в бесчисленные конфликты, альянсы, войны, постепенно превращаясь в национальные государства; хотя, конечно, не размеры государства определяли его жизнестойкость, а скорее возможность повысить доходы от налогов. Для правителей стало обычным получать доход натурой и даже в некоторых случаях перемещать двор из одной части страны в другую, чтобы потреблять блага и услуги в такой форме. С ростом денежной экономики, вследствие экономического развития XI–XIV вв., доходы стали поступать в деньгах, но затем, в XIV–XV вв., из-за падения земельной ренты, ставшей результатом демографического спада, доходы снизились.

Год военных действий увеличивал правительственные расходы в четыре раза, а войны стали неотъемлемой частью жизни Европы. Снижение доходов и рост издержек поставили европейских правителей в небывалое трудное положение. Обычай и традиции не позволяли превышать уровень получаемых от подданных сборов; правитель, переступивший установленную черту, сталкивался с угрозой восстания. Вассалы короля время от времени пользовались не меньшей властью, чем он сам, а объединившись, еще и большей. Более того, вассалы могли и зачастую действительно вступали в союзы с иностранными правителями для того, чтобы свергнуть правящего монарха. Итак, повышение налогов возлагало на Корону слишком большие риски.

Несмотря на то, что степень свободы правителей менялась, неизменным для них оставалось право в обмен на доход наделять своих подданных привилегиями, а именно правами собственности. По мере развития торговли и выхода ее за пределы конкретного города или же поместья купцы обнаружили, что частные издержки на защиту можно снизить за счет большей силы власти. Они были согласны платить правителям за обеспечение безопасности. Для того чтобы предотвратить потерю дохода (такого, как уклонение от уплаты), правители наделяли правами отчуждать земли или же разрешать наследование, вводя, таким образом, гарантированные и более действенные права собственности. В обмен на ежегодные платежи городам предоставляли торговые привилегии. Иностранным купцам в обмен на доход были даны законные права и освобождение от ограничения гильдий. Гильдии же, в свою очередь, за плату Короне получили эксклюзивные права на монополию.

Повсеместная конкуренция среди зарождающихся национальных государств стала мощным двигателем для изменений, равно как и сдерживающей силой для правителей

внутри страны. Конкуренция подтолкнула королевскую власть торговать правами и привилегиями для получения дохода, включая, что наиболее важно, наделение представительных органов — парламента, генеральной ассамблеи, кортеса — возможностью контролировать уровень налогообложения или (и) отдельных привилегий в обмен на доход. Конкуренция между странами также предоставляла избирателям дополнительный выбор, поскольку они могли находить в этих странах убежище, либо посылать туда движимое имущество, тем самым ограничивая возможности правителя.

Однако с этого момента истории стран расходятся. Некоторые представительные органы смогли удержаться и укрепить свой статус, создав, таким образом, основу для развития представительного правления; другие же пришли в упадок и прекратили существование. Решающую роль играла эволюционирующая способность правителей вести переговоры с избирателями. Три обстоятельства имели значение: размер возможной выгоды, которую они могли получить в ситуации, когда государство обеспечивало выполнение прав собственности; незаменимость существующего правителя, т. е. способность соперников (как внутренних, так и внешних) взять на себя и обеспечить те же самые (или даже сверх того) услуги; также структура экономики, которая определяла выгоды и издержки различного рода налогов для государства.

Например, в странах Бенилюкса производительная городская экономика имела все шансы на существенное усиление за счет политического порядка и защиты прав собственности, введенных и поддерживаемых сначала правителями Бургундии, а затем Карлом V. Структура экономики строилась вокруг экспортной торговли, обеспечивающей легко собираемый налог, но не на том уровне, чтобы снижать сравнительные преимущества торговли. Однако потребности Филиппа II привели к осознанию того, что только с независимостью экономика будет продолжать процветать. Оппозиция в лице генеральной ассамблеи в 1581 г. издала Акт об отречении от подданства Филиппу II и заявила о суверенитете провинций. В итоге семь северных провинций получили независимость, а возникшая экономическая и политическая структура Амстердама и Нидерландов не только стала одной из самых эффективных экономических организаций, но и приобрела основные черты политической и гражданской свобод. Каждая провинция вновь появившейся независимой страны — Голландской республики, образовавшейся в результате союза семи северных провинций Нидерландов, обладала властными полномочиями, а правило анонимности предполагало, что в генеральную ассамблею должны баллотироваться депутаты всех провинций. Несмотря на сложность этого процесса, политическая структура выжила. Политический строй не только развил элементы представительной власти и демократического принятия решений, но и поддерживал религиозную свободу (важный источник разногласий в Испании). Терпимость в вопросах религии фактически являлась политикой провинций, которая поощряла эмиграцию инакомыслящих из различных регионов Европы, многие из которых внесли вклад в развитие голландской экономики.

В Англии, как и на континенте, доля традиционных феодальных поступлений в общегосударственном доходе все понижалась. Внешняя торговля Англии — сборы с товаров смешанного ассортимента и шерстяных материй, налоги на вино — составляли все большую часть доходов казны. Однако именно экспортная торговля шерстью стала основой растущего дохода монархии в XIII в. В работе Эйлин Пауэр (Power, 1941) описан обмен между тремя группами, участвующими в торговле шерстью: производителями шерсти, которые являлись членами парламента, профессиональными торговцами, а также представителями королевской власти. В соответствии с соглашением купцы получили

монополию на экспортную торговлю и хранение товара в Кале, парламент приобрел право на установление налога, а Корона получила доходы. Вот как резюмировал процесс Уильям Стаббс: «Признание прав парламента на законотворчество, расследование злоупотреблений и участие в проведении национальной политики было фактически куплено на деньги, заплаченные Эдуарду I и Эдуарду III» (Stubbs, 1896, vol. 3, p. 599).

С Тюдорами английская Корона вошла в зенит своей власти, тем не менее она никогда не располагала таким односторонним контролем над правом обложения налогом, который получили монархии во Франции и Испании. Конфискация монастырских земель и владений заставила отвернуться от Генриха VIII многих пэров, а также представителей духовенства, и, как следствие, «Генрих нуждался в палате общин и усердно о ней заботился» (Elton, 1953, p. 4). Стюарты пожинали то, что посеяли Тюдоры: история разноголосий Короны и парламента хорошо известна. Два аспекта этого противостояния заслуживают упоминания. Первый состоял в восприятии общего права как высшего права страны — позиции, которую особенно активно защищал сэр Эдвард Кук. Второй аспект заключался в установлении того факта, что монопольные привилегии, предоставляемые властью, ущемляют свободу. Как сказал Дэвид Сакс, «концепция свободы выросла как антитеза теории государственного регулирования, которая имела свое конкретное выражение в создании экономических монополий. Недовольство монополиями стало опорой мощной интеллектуальной связи между защитой индивидуальных прав и сохранения общественного благополучия» (Sacks, 1992, p. 86).

Испанская Корона, напротив, превратилась в абсолютистскую монархию. Национальное государство, которое появилось при Фердинанде и Изабелле, объединило два очень разных региона — Арагон и Кастилию. Первый, включающий Валенсию, Арагон, Каталонию, был отвоеван у арабов во второй половине XIII в., и стал главным торговым центром. Кортесы выражали интересы купцов и играли существенную роль в общественных делах. И в самом деле, если бы Арагон действительно определял будущее Испании, ее история сложилась бы иначе. В Кастилии, постоянно воевавшей с маврами и раздираемой внутренними конфликтами, не был развит класс торговцев. Кортесы были сравнительно менее эффективными: Изабелла успешно добилась контроля над непокорными баронами и над церковной политикой. Как следствие, возникла централизованная монархия с сопутствующей ей бюрократией. Именно Кастилия определила институциональную эволюцию Испании (а в конечном счете и Латинской Америки).

Эпоха испанской гегемонии стала возможной благодаря доходам от империи Габсбургов и сокровищам Нового Света, однако с уменьшением вышеупомянутых доходов Корона по необходимости вернулась к отчаянным мерам по налогообложению и конфискациям, имевшим ужасные последствия, что было кратко изложено выше. Экономические монополии и централизованный политический контроль были неразрывно связаны. Путь, который прошла Испания, доказал свою долговечность и привел к трем векам экономического застоя, окончившегося с падением режима Франко в середине XX в. Более того, испанское наследие нашло свое продолжение в ряде институтов и организаций Латинской Америки и не способствовало ни устойчивому экономическому росту, ни укреплению политических и гражданских свобод.

Столь разное развитие Нидерландов и Англии, с одной стороны, и Франции и Испании — с другой, может быть непосредственно объяснено различной способностью избирателей и правителей вести переговоры, которая, в свою очередь, определяется следующими тремя факторами: выгодами для групп избирателей от государственного обеспечения прав собственности, возможностью замены существующего правителя,

экономической структурой, которая определяет собираемость налогов. В свою очередь, мы можем проследить географические, экономические и институциональные факторы, которые повлияли на различия в условиях развития. Способность вести переговоры может стать непосредственным основанием для изменений, но все же недостаточным. Было бы ошибочным недооценивать комплементарную роль, которую играет система установок. Западная Европа обладала первоначально общей структурой установок римско-католического христианства. Однако эта изначальная структура из-за многообразия опыта получила неодинаковое развитие в разных частях Европы. В Нидерландах и Англии этот опыт стимулировал развитие структуры установок в направлении, которое привело к современному пониманию свободы. Испанский опыт, напротив, увековечил не только негативное отношение к экономической деятельности, но и установки, лежащие в основе средневекового иерархического порядка.

Эволюция структуры установок в Англии была наиболее тонко схвачена Дж. Хекстером, который противопоставил средневековые свободы в Англии 1500 г., охарактеризованные как «меняющийся набор частных претензий со стороны тех, кто уже находился под защитой закона», и Петицию о праве (*The Petition of Right*), принятую парламентом в 1628 г. В Петиции говорилось «о свободе на уровне изначальных принципов»; ее исполнение, утверждал Хекстер (Hexter, 1992, p. 1–2), — это «решающий шаг в сторону современной свободы, независимости, какими мы их знаем в нынешнем мире». Доступ к средневековым свободам был определен иерархической структурой общества: невольники — рабы, вилланы, сервы и другие зависимые лица были лишены этого доступа. Напротив, Петиция о праве устанавливала для всех англичан ряд прав, защищенных законом, принятым парламентом. Между 1500 и 1628 гг. происходит эволюция структуры установок в отношении прав индивида: от средневековых взглядов на общественное положение до представлений XVII в. об англичанах как свободнорожденных людях. Успешное сочетание структуры установок с конкретными условиями, характерными для Англии и Нидерландов того времени, привели к институциональной эволюции экономики и права. Это сочетание стимулировало интеллектуальные изменения, которые породили не только протестантскую Реформацию, но и постепенно эволюционирующую систему установок (*belief structure*), которая, в свою очередь, поддержала поведение, способствующее как экономическому росту, так и развитию прав и свобод. Противоположные обстоятельства, характерные для Испании и в меньшей степени для Франции, сформировали такую эволюцию системы установок, которая закрепляла существующую институциональную структуру и сдерживала как экономический рост, так и развитие политических и гражданских свобод.

References

- Bean, R. 1973. War and the Birth of the Nation State // *Journal of Economic History* 33(1), p. 203–221.
- Benz, E. 1966. Evolution and Christian Hope: Man's Concept of the Future from the Early Fathers to Teilhard de Chardin. Garden City: Doubleday.
- Coleman, J. 1990. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- De Roover, R. 1965. The Organization of Trade // M.M. Postan, E.F. Rich, and Edward Miller, eds. *The Cambridge Economic History of Europe* 3. Cambridge: Cambridge University Press.
- Elton, G.R. 1953. *The Tudor Revolution in England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Greif, A. 1989. Reputation and Coalition in Medieval Trade // Evidence on Maghribi Traders. *Journal of Economic History*, N 49(4), p. 857–882; 1994. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *The Journal of Political Economy*, N 102(5), p. 912–950.
- Hexter, J.H. 1992. Introduction // J.H. Hexter, ed. *Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War*. Stanford: Stanford University Press.

- Kuran, T. 1986. The Economic System in Contemporary Islamic Thought // *International Journal of Middle East Studies*, N 18(2), p. 135–164.
- Macfarlane, A. 1978. *The Origins of English Individualism*. Oxford: Oxford University Press.
- Maitland, F. W. 1963. *The Constitutional History of England: A Course of Lectures*. London: Cambridge University Press.
- Milgrom, P. R., D. C. North, and B. R. Weingast. 1990. The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs // *Economics and Politics*, N 2(1), p. 1–23.
- Mokyr, J. 1990. *The Lever of Riches*. New York: Oxford University Press.
- North, D. C. 1991. Institutions, Transactions Costs, and the Rise of Merchant Empires // J. Tracy, ed. *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pirenne, H. 1963. *Early Democracies in the Low Countries: Urban Society and Political Conflict in the Middle Ages and the Renaissance*. New York: Harper and Row.
- Power, E. 1941 (1965). *The Wool Trade in English Medieval History*. New York: Oxford University Press.
- Previte-Orton, Ch. 1960. *The Shorter Cambridge Medieval History*, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sacks, D. 1992. *Parliament, Liberty, and the Commonwealth* // J.H. Hexter, ed. *Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War*. Stanford: Stanford University Press.
- Stubbs, W. 1896. *The Constitutional History of England*. Oxford: Oxford University Press.
- Tawney, R.H. 1926. *Religion and the Rise of Capitalism*. New York: Harcourt Brace and Co.
- Weber, M. 1904 [1958]. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Scribner.
- White, L. 1978. *Medieval Religion and Technology*. Berkeley: University of California Press.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2007 г.